

ПРИСТРАСТНОСТЬ

Относительно недолгое время занимаюсь я непосредственно педагогической деятельностью — преподаю в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии. Мой первый курс в полном составе стал ленинградским молодежным театром. Явление само по себе достаточно редкое, в Ленинграде за последнее время — единичное. Полагаю, именно это обстоятельство побуждает обращаться ко мне довольно часто с одним и тем же вопросом: как вы воспитываете молодежь?

Вопрос этот не простой, ответ на него не однозначен. Я доволен своим первым выпуском. Они пришли в институт — мальчики и девочки, одержимые одной мыслью: стать актерами, учиться мастерству и, кроме театра, не желали, не видели в мире ничего. Но очень скоро в них пробудилось любопытство, интерес к жизни, желание видеть ее и узнавать, участвовать в ней своим творчеством. И вот состоялись актеры. Состоялся театр. Произошло это благодаря тому, что каждый из них состоялся как личность, которой не безразличны интересы общества.

Многие годы, работая с молодыми актерами, активно, надеюсь, участвуя в их творческом становлении, я отношусь к молодежи пристрастно. Отчетливо вижу, что именно делает немалые наши усилия тщетными. Прежде всего — их этакая душевная безмятежность. Процесс возмужания идет медленно, и наступает оно поздно. Интерес к постижению мастерства значительно выше, нежели к постижению жизни. Не имея позитивной программы, не дав себе труда выработать ее, они меж тем ко многому относятся весьма скептически.

Причем протекает скептицизм не из определенности позиций, а из той же душевной безмятежности, когда многое далеко и их судьбы напрямую не касается. Это первое, с чем я посчитал необходимым разобраться, воспитывая студентов. С первого же курса научить их думать, раскрыть сердце для постижения судеб человечества и человека — именно к этому, как к фундаменту, должно приложиться остальное.

Второе, что меня беспокоит в молодых и против чего я категорически протестую, — антипрофессионализм. По-видимому, это только беда столиц, но беда большая. Молодой актер, порой еще не окончивший курса студент, сразу попадает на большой круг кино, телевидения, радио. Там все быстро, просто, можно обойтись без большого труда, без душевных затрат. Между тем славу или уж во всяком случае популярность они зарабатывают именно там. Мелькает имя в титрах, мелькает физиономия на экране, пусть вскользь, но похвалили в газете или на том же телевидении — и упорный труд в театре, очень скромные поначалу итоги его кажутся малопривлекательными. Человек противится, в лучшем случае остается равнодушен к закономерной требовательности, к естественной трудоемкости актерского ремесла и день за днем не умножает, а лишь растрачивает приобретенное в учебной мастерской. Растрачивает быстро, и эта красивая жизнь кончается быстро, ибо в кино, на телевидении легко начать, но сделать следующий шаг тоже не просто, антипрофессионализм становится заметен и на экране — и нет актера.

Испытание легким успехом —

одно из самых трудных испытаний. Мимолетный успех — явление вне логики, и потому заранее не определишь, на чью долю он падет. Все зависит от воспитания.

Процесс воспитания не заканчивается выходом из школы, он продолжается в любом творческом коллективе. Но... Как часто мы, побуждаемые лучшими чувствами, вторим не добро, а зло. Выделяем молодежь из коллектива, устраиваем особые семинары, особые собрания, ставим особые задачи, которые им явно не по плечу, и создаем тем самым у молодых актеров ложное представление о том, что они — спасители театра.

Я абсолютно убежден, что молодежь надо воспитывать вместе с театром. Их должны заботить задачи общие. Не о себе в театре, но о театре как таковом должны они думать и этому служить. Я не против смотра молодых актеров. Творческое состязание всегда полезно. Но почему, чествуя победителей, мы ни звука не говорим о коллективе, который воспитал победителя? Вель ни для кого не секрет, что в одних театрах молодежь творчески растет, а в других нет. Есть театры, где начинающим вообще нечего делать. И это не потому, что там не любят молодежь. Мало любить, надо иметь репертуар для молодежи.

Когда мне предложили взять курс в театральном институте, я поставил одно непременное условие: мой курс будет заниматься в театре. Многих это испугало. Мне говорили: они увидят булду, нервы, трехмесячные репетиции с одним актером и аварийный ввод другого с трех репетиций...

Да, мои ученики, занимаясь в театре, увидели театр без парадного вечернего освещения.

Заканчивая урок, они выходили на галерею балкона и смотрели репетиции. И видели: прославленная Алиса Фрейндлих репетирует под фонограмму труднейший зонг. Один раз, второй, третий — все не то. Она устала, нервничает, пьет чай, начинает сначала раз, другой, третий — и никому нет дела до того, что она — Алиса Фрейндлих, есть репетиция для всех, есть рождение спектакля. И студенты знали: настанет момент, и каждый из них спустится с галереи, станет на сцене рядом с Фрейндлих, и если что-то в нем есть — это увидят все, а если нет — тоже увидят все, что бы он сам о себе ни думал...

Они близко наблюдали живой театр и поняли: жизнь в нем не проста. Театр — это борьба, не интриги, нет, но борьба. За право сказать свое слово в искусстве. За право стать хотя бы одной страницей в учебнике жизни, каковым является театр.

И еще хочу здесь вспомнить наши летние гастроли. С молодежным театром я ездил на БАМ. Для меня это была принципиальная поездка, я надеялся, что молодежь многое там поймет, и не обманулся.

...Мы летели в Надым. Восемнадцать часов сидели в аэропорту. Последние 60 километров, уже по земле, ехали восемь часов. А Надым — одна улица, 50 метров длиной, начальник стройки ездит на самосвале. А встречали нас удивительно и наши спектакли воспринимали как откровение. Вот когда мои ребята поняли свою совершенную необходимость на земле. Кроме того, они поняли, что в этом суровом крае тяжелую работу делают очень хорошие люди, романтики высокой пробы.

Потом мы поехали на ком-

прессорную станцию. Там работает всего тридцать человек. И снова играли, почевали в общепитии, много рассказывали, еще больше слушали, смотрели, запоминали. Для меня принципиальным было и собственное мое участие в этой поездке. Молодежь должна знать, что в искусстве не имеют значения ни возраст, ни здоровье, ни регалии. Есть желание или нежелание служить ему.

Я начал эти заметки с того, что доволен своим первым курсом. Могу добавить, что доволен многими молодыми актерами Театра имени Ленсовета. Они учились не у меня, но в их судьбе мое участие, надеюсь, было не последним. Сегодня Дьячкова, Петренко, Равикова, Никулину уже не назовешь молодыми — они умеют в театре все.

Но вот уже третий год я занимаюсь со своим вторым курсом в театральном институте. Они тоже учатся в театре, тоже смотрят репетиции с галереи, тоже много работают. Они талантливые ребята. Когда они поступали в институт, я каждому на собеседовании задавал один вопрос: кто такая Анна Каренина? И все 26 ответили одинаково: продукт своей эпохи... Я тогда долго негодовал на школу, на учителей, выпускных в жизнь людей со спящим умом. Не снимаю своих больших претензий к школе и сегодня. За последние годы ум ученики мои, безусловно, отточили. А душой пока живут не напряженно. Уж перевалил за половину срок их пребывания в институте, а я так и не знаю, успею ли... А хочется, чтоб вышло, надо, чтоб вышло...

Игорь ВЛАДИМИРОВ,
народный артист РСФСР,
главный режиссер Театра
имени Ленсовета.

„Сов. Россия“ 1977, 8 янв. №7